

моемъ батальонѣ, повѣрите ли, не стали пить водку: *не такой день, югорять*“.

„Ополченцы, — говоритъ Борисъ, — тѣ прямо надѣли чистыя, бѣлыя рубахи, чтобы приготовиться къ смерти...

— Ты что говоришь про ополченье? — спросилъ Кутузовъ Бориса.

— Они, ваша свѣтлость, готовясь къ завтрашнему дню, къ смерти, надѣли бѣлыя рубахи.

— А!.. Чудесный, неподобный народъ, — сказалъ Кутузовъ и, закрывъ глаза, покачалъ головой. — Безподобный народъ! — повторилъ онъ со вздохомъ“.

Второй разумъ Кутузова оказался мудрѣе всей Пфулевской геніальности Наполеона. Звѣрь нашествія былъ раненъ *смертельно* подъ Бородинымъ. И вмѣстѣ со старикомъ Кутузовымъ великій писатель земли русской считаетъ этотъ день днемъ величайшей побѣды, славнѣйшимъ для русскихъ.

Такому соотношенію между разумомъ первымъ и разумомъ вторымъ учить насъ художникъ Толстой. И учить съ такой чѣткостью художественнаго ясновидѣнія, которая во всемірной литературѣ остается единственной.

Но Нехлюдовъ совершенно несогласенъ съ Толстымъ. Разума второго онъ не знаетъ. Знаніе второе, открывавшееся Толстому въ творчествѣ, ему абсолютно недоступно. Онъ своимъ скуднымъ „умомъ“ не можетъ его ухватить. А такъ какъ Нехлюдова, по его же собственному, вполне искреннему признанію въ „Исповѣди“, обуреваютъ *похоть учительства*, то ему остается совершенно забыть уроки Толстого и, бережно поднявши повергнутаго во прахъ Пфуля, поставить его на пьедесталь и начать передъ нимъ куренія. Пфулевскій умъ, изничтоженный Толстымъ-Ерошкой, дѣлается излюбленнымъ орудіемъ Нехлюдовской критики Толстого въ послѣднихъ 8 томахъ, и „противнѣйшая самоувѣренность“ „выдуманной“ нѣмцами богословской науки становится необходимой основой Нехлюдовскаго похода противъ Церкви, — величайшей святыни русскаго народа.

Но кто же Толстого обнаружилъ всю тщету Пфулевскихъ замысловъ? Кто монументальнѣе Толстого доказалъ, что Пфулевскій умъ, даже и въ геніальной тактикѣ Наполеона, совершенно ничтоженъ передъ духовными силами *иного* порядка, которыя со-